

Катынская трагедия и разрыв советско-польских дипломатических отношений

Д-р Матерски Войцех,

Институт политических исследований ПАН
(Польша)

События 1943 г. внесли резкие изменения в польско-советские отношения, наложив отпечаток не только на их характер, но и на единство антигитлеровской коалиции в целом. Признаки серьёзного кризиса во взаимоотношениях начали наблюдаться ещё во второй половине 1942 г., после окончательного вывода польской армии с территории СССР¹. Была закрыта основная их сфера, которая предполагала совместное выступление вооружённых сил обоих государств на советско-германском фронте. С этого момента дипломатические взаимоотношения почти всегда сопровождались конфликтами между Народным комиссариатом иностранных дел СССР и Посольством Польской Республики.

Их предметом был, прежде всего, спор о спасении польских граждан. Согласно данным посольства Польской Республики в конце 1942 г. только в северных и центральных районах СССР их число, по мнению ряда доверенных лиц дипломатического представительства Польши, составляло более 100 тысяч человек².

Советские власти обвинили сотрудников посольства и его местного представительства в превышении опекунских полномочий, в распространении вражеской пропаганды и шпионаже. Делегатуры посольства Польской Республики, с целью рационального распределения помощи, а также, вероятно, из-за легкомысленности или чрезмерного усердия, разумеется, собирали и передавали в центральное управление Куйбышева информацию о ситуации в отдельных регионах СССР³. Кроме того, они вели интенсивный розыск информации о тысячах без вести пропавших польских офицеров, которые в сентябре 1939 г. оказались в специальных лагерях НКВД, что в условиях войны должно было вызывать беспокойство⁴. Обе эти акции, при известной недоверчивости советских властей по отношению к иностранным дипломатам, легко могли быть расценены как шпионаж.

Вокруг посольства Польской Республики начала сгущаться враждебная атмосфера. Её возникновению способствовали также лица из многочисленной группы иностранцев в Куйбышеве, с которыми поляки общались довольно открыто, а благодаря этому некоторые из иностранцев могли использовать полученную информацию во вред.

Ярчайший тому пример – сохранившаяся запись разговора корреспондента информационного агентства «Юнайтед Пресс» Хэндлера с зам. наркома иностранных дел Соломоном Лозовским, ответственным за контакты с зарубежной прессой⁵. Журналист, помимо всего прочего, сообщал о том, что «польское посольство проводило и проводит систематическую антисоветскую пропаганду среди дипломатического корпуса», а премьер-министр Владислав Сикорский «уже не способен контролировать то, что происходит в польском Посольстве в Куйбышеве». С целью утаивания правды о совершенных НКВД арестах польских шпионов, «подготовлена широкая политическая кампания против СССР». Поляки из организаций, оказывающих помощь, «это сумасшедшие нацисты, их всех необходимо расстрелять». Американский корреспондент одновременно упрекал советские власти в том, что они «ничего не делают для борьбы с этой вредной пропагандой».

Трудно предположить, что во внутренней документации Наркоминдела находилась поддельная запись разговора. Трудно также признать полную фиктивность вышеупомянутого доноса Хэндлера. Таким образом, вероятно, существовали предпосылки для начала кампании против польского дипломатического представительства.

Напряжение, появившееся на фоне обвинений сотрудников местного представительства посольства Польской Республики в шпионаже и антисоветской пропаганде, негативно отражалось на возможности добиться прогресса в таких срочных вопросах, стоящих перед представительством, как: достижение согласия касательно интерпретации определения «польские граждане», эвакуация детей-сирот и гражданских лиц, прежде всего, семей польских военнослужащих, возобновление призыва в польскую армию (запрещённого советскими властями в апреле 1942 г.) или поиски по-прежнему не найденных тысяч сызч польских офицеров. Может быть, с этой целью напряжение и было создано.

Всё второе полугодие 1942 г. посольство Польской Республики неизменно возвращалось к вопросу о более чем 8 тысячах пропавших польских офицеров. Так как это не вызывало никакой реакции со стороны советских властей, были предприняты попытки сдвинуть дело с мёртвой точки и оказать влияние посредством дипломатической поддержки из Лондона и Вашингтона – добиться с их помощью освобождения офицеров, как казалось, пропавших из лагерей на далёком севере⁶.

Шанс на улучшение взаимоотношений власти Польской Республики видели в новом после Тадеуше Ромере, который прибыл в Куйбышев

в начале ноября 1942 г. Он имел репутацию настоящего профессионала⁷. Его считали «решительным, искренним последователем политики Сикорского, надеждой Польши на хорошие взаимоотношения с Россией»⁸. На первых переговорах с Молотовым Ромер предлагал отвлечься от прежних недоразумений и разобраться с реальными проблемами, требующими эффективных действий. Среди них в качестве основных вопросов, необходимых для дальнейшей деятельности представительства, он видел следующие: восстановление сети местных делегатов посольства Польской Республики, возобновление призыва в армию и эвакуацию польских детей-сирот. Добился он, однако, совсем немного. Пытаясь понять эту сдержанность советских властей в отношении всех предложений по улучшению отношений, он, в конце концов, признал, что «это не вопрос доверия или компромисса, но вопрос программы и идеологии»⁹. И это был точный диагноз.

Из записей первых встреч посла Ромера с заместителями наркома иностранных дел Вышинским и Лозовским следует, что он произвёл на них положительное впечатление, гораздо более позитивное, чем его предшественник профессор Станислав Кот¹⁰. Руководители Наркоминдела констатировали, что Ромер производит впечатление оптимиста, верит в возможность быстро улучшить взаимоотношения, коренным образом реорганизовать работу посольства Польской Республики и внести в неё «новый дух». Посольство СССР в Лондоне отозвалось о нём также весьма лестно¹¹.

Вскоре после начала своей деятельности в представительстве, в конце ноября 1942 г., посол Ромер обратился к польским гражданам в СССР с открытым письмом, которое было напечатано и распространено в очередном номере журнала «Польша»¹². Обстоятельное послание было выдержано в исключительно доброжелательном по отношению к СССР тоне. Посол писал о колоссальных военных усилиях, затрачиваемых Красной армией уже в течение более чем 500 дней, о необходимости стать выше «обычных суеверий и трудностей», о взаимодействии правительств обеих стран «во время войны и для более или менее благоприятного добрососедского их сосуществования после одержанной победы». Он призывал «лояльно относиться к местным властям и проявлять дружелюбие в отношении местного населения; образцово выполнять порученную работу, насколько это возможно; уважать местное законодательство и правление, а в особенности государственные тайны, не болтать и не сплетничать».

Публикация письма была ловким дипломатическим ходом, подкрепившим тезис о начале в корне нового периода в деятельности Посольства Польской Республики в СССР. Чтобы это могло подтвердиться фактически, необходима была, однако, политическая воля

второй стороны. Сигнал в этом отношении, более ясный, чем процесс беседы посла Ромера с Молотовым, пришёл очень быстро.

17 ноября министр Эдвард Рачиньский обратился в посольство СССР при союзных правительствах в Лондоне с протестом относительно содержания ноты от 31 октября 1942 г., поданной Александром Богомоловым, послом СССР при союзных правительствах в Лондоне¹³. Касательно главной для властей Польской Республики проблемы возобновления в СССР призыва в польскую армию, она содержала утверждение о том, что все обязательства Москвы в этом вопросе потеряли основание. Министр потребовал также предоставления возможности продолжения акций по опеке над польскими гражданами на территории СССР, отвергая обвинения в шпионской деятельности в отношении сотрудников, её осуществляющих.

Ответ на ноту Рачинского, подписанный советником посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне Василием Вальковым, был составлен в тоне конфронтации. В нем содержалось уведомление об отказе советских властей от «попытки подвергнуть сомнению основания и правдивость обвинения относительно шпионской, враждебной СССР, деятельности бывших представителей и доверенных лиц посольства Польской Республики». Второй пункт ноты содержал угрозу проведения открытого судебного разбирательства в отношении по-прежнему удерживаемых под арестом 16 делегатов и доверенных лиц, в котором в качестве доказательств будут, в частности, использоваться конфискованные архивы¹⁴.

Угроза публичного процесса и, в первую очередь, отказ от ноты Рачинского, касающейся внешнеполитического гуманитарного вопроса, свидетельствовала о принятии в отношении правительства Польской Республики конфронтационной политической линии. Косвенным доказательством этому может служить обширный 25-страничный материал, подготовленный для советских властей работником IV Европейского отдела Наркоминдела Валерианом Зориным, содержащий фактические данные об ответственности посольства Польской Республики за постоянный регресс во взаимоотношениях¹⁵. Подведенный благодаря Зорину итог контактов с посольством Польской Республики в СССР не является типичным для деятельности ведомства документом. Он, очевидно, составлен в связи с поступившим сверху распоряжением правительства или партии. Его необходимо рассматривать в качестве основы для некой важной дискуссии, а впоследствии и для принятия решения. Факт его разработки являлся доказательством того, что вскоре возникнет необходимость использовать такого рода аргументацию, возможно, для того, чтобы порвать отношения с эмиграционным правительством Польши в Лондоне.

О достоинствах так далеко идущей интерпретации может свидетельствовать заметная во второй половине 1942 г. подготовка советских властей к применению так называемой левой альтернативы в польском вопросе. Частью такой подготовки можно считать одобрение Сталиным программы, состоявшей из семи пунктов и представленной ему в конце сентября – начале октября подполковником Зигмундом Берлингом от имени сосредоточенной вокруг него группы офицеров, которые не покинули СССР во время эвакуации польской армии на Ближний Восток. Он использовал лозунги о необходимости создания «парламентской республики, свободной и суверенной», полностью независимой от польского правительства в Лондоне, которое «перестало представлять интересы польского народа». В этой республике, которая останется в «прочном, неразрывном союзе и дружбе с Советским Союзом», власть будет осуществлять «рабочий народ». Эта новая, демократическая Польша «не будет предъявлять претензий к землям, населенным в большинстве своем украинцами, белорусами и литовцами»¹⁶.

Разработка этой программы сопровождалась значительным ростом активности сосредоточившегося вокруг редакции «Новые Горизонты» общества польских коммунистов, которое ещё ранее было организовано в целях создания противовеса Посольству Польской Республики¹⁷. Появляющиеся на страницах издания грубые атаки на правительство премьер-министра Сикорского подкреплялись сообщениями, призывающими к необходимости отказаться от довоенных границ Польши на востоке в пользу ее «сдвига» на запад. Благодаря упорному внушению советских властей эти общества начали в конце 1942 г. практически массово популяризироваться в качестве политической альтернативы эмиграционному правительству Польской Республики в Лондоне. В такой атмосфере, 16 января 1943 г. Наркоминдел передал Посольству Польской Республики ноту, уведомляющую о том, что из-за злой воли польской стороны правительство СССР отменяет ограничения, которые были введены посредством ноты от 1 декабря 1941 г. в отношении собственной государственной территории и проживающего здесь населения. Таким образом, все лица, до 1 ноября 1939 г. населявшие территории, которые были включены в состав СССР, независимо от их происхождения, будут отныне рассматриваться как граждане СССР¹⁸. Публикацию такой интерпретации и последовавшие за этим действия трудно было воспринимать иным образом, нежели как желание спровоцировать польскую сторону на разрыв любых контактов. Вся восточная политика премьер-министра Сикорского потерпела поражение.

Для советских властей дело приняло более серьёзный характер, выходящий за рамки двухсторонних отношений с Польшей. Всё чётче вырисовывался перелом в войне, а вместе с ним в Москве крепло

убеждение в том, что Красная армия первой войдёт в Центральную Европу. Ожидаемое развитие событий приводило к мысли о том, что СССР будет самостоятельно диктовать условия развития данного региона в будущем. Препятствием на пути навязывания там советской модели стали бы, впрочем, ранее принятые обязательства, а также дипломатические взаимоотношения.

Как можно предполагать на основании ряда фактов, в конце 1942 – начале 1943 г. советское руководство, понимая, что его статус в качестве лидера в антифашистской коалиции значительно укрепился, – решило применить так называемую левую альтернативу послевоенного порядка в Центрально-Восточной Европе. Вопрос контроля над формирующимися основами послевоенной политической организации региона стал в этот период одной из постоянных рабочих тем коллегии Наркоминдела¹⁹.

В конце ноября 1942 г. на базе коммунистического партизанского движения в Югославии по распоряжению Коминтерна²⁰ был создан Антифашистский совет Национального освобождения. Вскоре после этого Исполнительный комитет Коминтерна направил в коммунистические партии Центрально-Европейского региона руководство по созданию основ, дающих возможность после окончания войны осуществить попытку захвата власти. 4 января 1943 г. находящаяся в Куйбышеве группа польских коммунистов обратилась к Молотову – после предварительных переговоров с руководством Коминтерна – с просьбой об «организационном формировании левого движения Польши в СССР, а также о комплексном решении всех польских вопросов в СССР»²¹. 5 января при личном участии главы Коминтерна Георгия Димитрова, была принята стратегия создания пути к власти для Коммунистической партии Чехословакии²². Начиналась массовая акция, заключающаяся в отказе от действовавшей до июня 1941 г. концепции присоединения всё новых и новых территорий в пользу создания зависимости квазисуверенных от Москвы государств. После войны она должна была привести к последствиям колоссального масштаба.

Приступая к её реализации, никто не скрывал вышеупомянутые цели от части дипломатического корпуса. Как сообщил в Лондон представитель Французского национального комитета в Куйбышеве Роже Гарро, из проводимых им бесед следовало, что Советский Союз намерен «привести к власти [в Польше] правительство, которое не будет находиться в руках Британии и Америки, но в то же время он не стремится к тому, чтобы сделать Польшу 17-й социалистической республикой»²³. Реализация данной программы требовала разрыва прежних отношений или полного подчинения себе действующих эмиграционных правительств стран Центральной Европы.

О том, что советская дипломатия рассматривала возможность спровоцировать острый кризис в отношениях с правительством Польской Республики, помимо общеизвестных фактов, может свидетельствовать очень тщательное изучение зарубежным аппаратом польской прессы с целью выявления враждебных СССР взглядов. Начиная с конца 1942 – начала 1943 г. характер до сих пор рутинных и довольно банальных обзоров польской прессы, сделанных советским посольством при союзных правительствах в Лондоне, совершенно меняется. Отчеты, составленные вторым секретарем Посольства Алексеем Шибориным и старшим референтом Ф. Сысом, с тех пор приобретают в этом вопросе характер глубинных разработок, которые регистрируют все факты представления в негативном свете польской восточной политики и документируют проявления антисоветских настроений польских властей. На их основе представитель отдела прессы Наркоминдела Корж готовил для руководства ведомства заметки, создававшие основу для дальнейшего обострения отношений с правительством Польской Республики²⁴. Характерно, что после трёх месяцев осуществлявшихся таким образом интенсивных запросов, в апреле 1943 г. – после разрыва отношений – их почти совсем прекратили.

Отказ СССР от итак весьма невыгодной для польской стороны интерпретации спорных вопросов относительно статуса аннексированных в октябре 1939 г. восточных земель Речи Посполитой и их населения, приведенной в ноте от 1 декабря 1941 г.²⁵, поставил в сложное положение как посольство Польской Республики в Куйбышеве, так и ведомство иностранных дел правительства Польской Республики. Принятие ноты от 16 января как базы для взаимоотношений вообще не входило в планы, оно грозило крахом всей восточной политики генерала Сикорского и было бы большим ударом по престижу правительства и лично по авторитету премьер-министра, последовательно навязывавшего идею о необходимости сотрудничества с СССР. Его жертвой стали бы сотни тысяч польских граждан в Советском Союзе, жители восточных воеводств II Речи Посполитой (составлявших более 50% ее территории), которых с тех пор рассматривали в качестве советских подданных.

Изменения, произошедшие в связи с нотой от 16 января, лучше всего прослеживаются на примере рабочих контактов посольства Польской Республики в Куйбышеве с Наркоминделом. Решение ряда конкретных вопросов, которые после положительной оценки советских властей находились в различных стадиях реализации, было внезапно приостановлено. Это касалось, в частности, выезда из СССР эвакуированных семей военных, многих индивидуальных разрешений на выезд, изменений должностной структуры местных доверенных лиц, открытия новых постов в местных организациях опеки, возбужденных уголовных дел

в советских судах и т.д. Начальник IV Европейского отдела Наркоминдела Николай Новиков, объясняя эту неожиданную блокаду удивлённому секретарю посольства Польской Республики Эммануилу Фрейду, заявил без обиняков, что в свете ноты от 16 января все эти вопросы «необходимо поднимать заново, потому что ситуация претерпела кардинальные изменения». Он пытался вернуть Фрейду всю рабочую документацию последних месяцев (реестры, перечни, проекты, корреспонденцию и т.д.), объяснив это так: «Я не вижу практического смысла её хранить, так как ситуация в корне другая». Когда он обратил внимание, что на практике это приводит к потере любых контактов, то согласился оставить ее, но «не для того, чтобы что-то предпринять»²⁶. Этот обмен мнениями лучше всего свидетельствует о том, какое значение имела для дальнейшего развития взаимоотношений вышеупомянутая нота.

Ответ на ноту от 16 января коллективно обсуждал Совет министров Польской Республики на заседании 21 января 1943 г. Был принят соответствующий текст, переданный 26 января послу Богомолу²⁷. В нём содержался отказ от нового подхода советского руководства к вопросу о гражданстве населения восточных польских земель и требование о восстановлении прежнего положения. На том же заседании Совет министров Польши пришел к выводу, что прямые попытки достичь соглашения с советской властью не приводят к решению конфликтов, а только их разжигают. По этой причине было решено начать дипломатическую акцию в Лондоне и Вашингтоне с целью оказания давления на Москву при помощи англосаксов с целью улучшения польско-советских отношений.

Сообщение о предпринятых польской дипломатией попытках вмешательства англосаксов в польско-советские отношения по неофициальным каналам быстро дошло до Москвы и Куйбышева. Отдавая себе отчёт в том, что это может привести к появлению новой почвы для конфликта – под предлогом обсуждения двусторонних вопросов без ведома советской стороны – премьер-министр Сикорский поспешил обратиться с личным письмом к Сталину, выражая обеспокоенность ухудшением взаимоотношений²⁸. Он считал, что возникшие проблемы представляют угрозу линии, намеченной в договоре от 30 июля 1941 г., однако, существует возможность их решить – в зависимости от того, насколько обе стороны смогут взглянуть на них «с точки зрения более открытого взаимопонимания и взаимного примирения».

Постановка на грань краха взаимоотношений с Польшей должна была, вероятно, не только облегчить советским властям (Коминтерну) осуществление тактики «левой альтернативы», но в то же время предостеречь англосаксов от участия в поддержке права Польши на восточные границы, существовавшие до сентября 1939 г. Так интерпрети-

ровали смысл ноты американский посол при правительстве Польской Республики Энтони Дрексель-Биддл и его коллега в Москве посол Уильям Стэндли²⁹. Может быть, всё же имеет право на существование тезис о том, что советские власти готовы были еще тогда пойти на некие компромиссные решения (если Сикорский обратится по этому вопросу непосредственно к Сталину), а жестко сформулированная нота должна была оказать давление, чтобы он быстрее на это решился³⁰. На обоснованность данной гипотезы может указывать тот факт, что в конце 1942 г. в скандинавскую и американскую прессу просочились слухи о якобы готовящемся втором визите премьер-министра Польской Республики в Москву, возможно, инициированные советскими дипломатическими представительствами в этих странах³¹.

Польская дипломатия ранее уже прилагала все усилия, чтобы заставить англосаксов вмешаться в вопрос нарушения СССР основ договора от 30 июля 1941 г. Британия не спешила этого делать, поскольку интервенция могла испортить достаточно хорошие взаимоотношения – несмотря на напряжённость на фоне несоблюдения со стороны англичан обещания открыть второй фронт в Западной Европе – что считалось небезопасным в контексте по-прежнему существовавших слухов о возможности сепаратного мира между СССР и Германией. К тому же премьер-министр Сикорский проводил слишком независимую политику в вопросах Восточной Европы и постоянно напоминал им об обязательствах, принятых ранее по отношению к правительству Польской Республики. В свою очередь, эксперты Госдепартамента решительным образом отговорили президента Рузвельта от участия в проблемах малых европейских государств и рекомендовали придерживаться туманных формулировок Атлантической Хартии. По мнению госсекретаря Корделла Хэлла, польские пограничные вопросы могли втянуть Соединенные Штаты в ряд бесконечных неприятностей³². Следовательно, довести дело до эффективного вмешательства англосаксов в польские вопросы в Москве в начале 1943 г. с дипломатической точки зрения было нелегко.

Ввиду известной осторожности британцев основная работа по склонению союзников к интервенции была возложена на посла Польской Республики в Вашингтоне Яна Чехановского. Однако в конце января 1943 г. в Госдепартаменте ему прямо было сказано, что Соединённые Штаты сомневаются в возможности сохранения польской государственной собственности на востоке в соответствии с реалиями до 1 сентября 1939 г.³³ 16 февраля посол получил возможность представить президенту Рузвельту обстоятельный отчёт о состоянии отношений с СССР и сформулировать подсказки относительно так желанной для правительства Польской Республики интервенции англосаксов³⁴. Он пытался получить от Рузвельта конкретное обещание выступить

в защиту польских интересов, но безуспешно. Президент, в принципе, разделял его мнение, но посчитал необходимым вернуться к реализму. Наверное, это следовало понимать, прежде всего, как необходимость ограничения польских территориальных требований. Он также поставил под сомнение смысл немедленного вмешательства, обратив внимание на то, что успехи Советского Союза на фронте не способствуют поднятию вопроса о послевоенном разделении обоих государств. Мало что принесла, очевидно, и польская дипломатическая деятельность в Москве и Куйбышеве, в частности, беседа посла Ромера с Молотовым 20 февраля³⁵. Посол пытался придерживаться максимально мирной позиции, призывал вернуться к созданию «основ дружбы и добрососедства». Молотов не ответил прямо ни на эти призывы, ни на вопрос, почему именно 16 января правительство СССР решилось на столь резкое обострение отношений. Он несколько раз подчеркнул, что время для разговора об организации послевоенного порядка наступит потом, а сейчас надо бить врага.

Вечером 26 февраля дело дошло до беседы посла Ромера со Сталиным³⁶. Польский дипломат тщательно подготовился к оспариванию советской позиции по вопросам гражданства и границ³⁷. Обмен мнениями по основному вопросу – о том, как советская нота от 16 января отразится на положении поляков в СССР – не привел ни к какому сближению позиций. В основном он подтвердил мнение о том, что выход из возникшего кризиса следует искать во вмешательстве извне.

Помимо основного вопроса о гражданстве, обсудили проблемы, затронутые Ромером в беседе с Молотовым, в частности, о дальнейшем функционировании посольства Польской Республики в Куйбышеве, о сотрудничестве с польским вооружённым подпольем на оккупированных Германией территориях и даже о перспективах послевоенного периода. Обмен мнениями носил, однако, неопределённый характер и не закончился какой-либо конкретной договоренностью, не говоря уже о надежде на прогресс в вопросе гражданства и границ.

О ходе встреч с Молотовым и Сталиным Ромер после возвращения в Куйбышев немедленно проинформировал посла США Стэндли и британского посла Кларка Керра. Он подробнейшим образом изложил проблему статуса польских граждан на аннексированных территориях и выразил удовлетворение тем фактом, что советский лидер «не счёл вопрос о гражданстве закрытым». Ромер поделился мнением, что достичь прогресса в этой области позволит только эффективное вмешательство США. Как Стэндли сообщал в Госдепартамент, у него, равно как и у другого собеседника посла Ромера, второго секретаря американского Посольства Эдварда Пейджа Младшего, создалось впечатление довольно реальной угрозы разрыва польско-советских отношений³⁸.

Пояснения, содержащиеся в письме Сикорского, а также информация, переданная через Ромера советским военачальникам, оказались запоздалыми или, говоря точнее, им не придали особого значения. Как я упоминал, очевидно, в вопросе будущего Центрально-Восточной Европы было принято решение о приведении в действие так называемой левой альтернативы. Для ее осуществления было необходимо отбить охоту у западных держав вмешиваться в двусторонние отношения СССР с государствами региона. С этой целью в советских средствах массовой информации началась пропагандистская кампания, и её ярким проявлением, которое особенно заставляло задуматься, стала статья А. Корнейчука «Воссоединение украинского народа в собственном государстве», опубликованная в газете «Радянська Україна» («Советская Украина») и позже перепечатанная в «Правде»³⁹. Автор – лицо, откомандированное советскими властями с целью оказания помощи в формировании польского «центра», который мог бы конкурировать с эмиграционным правительством Польской Республики⁴⁰, а вскоре новый заместитель народного комиссара иностранных дел СССР, обвинил польское правительство в стремлениях к империализму и аннексии в отношении украинского народа, направленных на укрепление восточных границ послевоенной Польши ...на Днестре и Черном море.

Сенсационные заявления Корнейчука всё же получили официальный отклик, хоть их значение и было преуменьшено благодаря пропаганде эмиграционного правительства Польской Республики и они были названы «личным высказыванием мужа Ванды Василевской»⁴¹. 25 февраля было опубликовано специальное заявление, опровергающее содержащиеся в его статье обвинения и называющее их «совершенно абсурдными». Приписывание польским властям враждебных по отношению к СССР намерений было названо злой пропагандой, подчёркивалось неконъюнктурное желание дальнейшего тесного сотрудничества на антигитлеровской основе. Упомянулось, что с июля 1941 г. все официальные выступления представителей властей Польской Республики неизменно содержали тезисы о том, что «в вопросах границ между Польшей и Советской Россией действует статус-кво, существовавшее до 1 сентября 1939 г., и нарушение этого положения, соответствующего также Атлантической Хартии, [правительство Польской Республики] считает вредным для единства союзных народов»⁴². Заявление было написано в очень решительной форме, иначе, чем предыдущие аналогичные документы, касающиеся восточной политики кабинета министров. Это сразу привлекло внимание наблюдателей, которые начали строить предположения, что премьер-министр, наконец, решился сменить «примирительный курс» по отношению к СССР на «ужесточение» своей восточной политики⁴³.

В опубликованном 3 марта 1943 г. агентством ТАСС ответе СНК СССР на вышеупомянутое заявление под сомнение были поставлены не только использованные в нём аргументы, но в целом право голоса эмиграционного правительства Польской Республики на обсуждение вопросов, касающихся польского народа⁴⁴. Возобновились обвинения в империалистических притязаниях по отношению к белорусскому и украинскому народам, а также прибавились новые: нарушение единого антинемецкого фронта славянских народов. С публикацией этого ответа пропагандистская война обрела ещё большую силу.

Польские дипломатические ноты возвращали под предлогом вмешательства во внутренние дела СССР, как только находили в них малейшие предложения относительно аннексированных территорий или проживавшего там населения⁴⁵. В полном тупике оказались также отношения между Министерством иностранных дел Польской Республики и советским посольством при союзных правительствах в Лондоне, потому что нельзя было вести переговоры, не затрагивая вопросов, признанных советскими дипломатами после 16 января 1943 г. внутренними делами СССР. Как вспоминал министр иностранных дел Польской Республики Эдвард Рачиньский: «Мои встречи с Богомоловым были так утомительны, так невероятно неприятны, что подготовку к ним я считал своим самым неприятным заданием»⁴⁶.

Предпринятые послом Ромером уже в Куйбышеве попытки смягчить советскую позицию окончились неудачей. Два очередных тура переговоров с Молотовым, которые проходили 9 и 18 марта, подтвердили, что посольство Польской Республики окончательно потеряло влияние⁴⁷. Посол пытался понять правовую основу кампании, развёрнутой против поляков в СССР. Он представил целый список случаев враждебных действий в отношении представительства Польши и польского населения, таких как: арест очередных доверенных лиц в количестве 21 человека, принуждение к получению советского паспорта, конфискация складов и магазинов подарков, ликвидация или конфискация сиротских приютов. Молотов, напоминая содержание ноты от 16 января, категорически отказал посольству Польской Республики в праве заняться этими вопросами. Демонстрируя специфическое чувство юмора, он позволил оказать помощь только в более быстром и бесконфликтном проведении акции конфискации имущества, теперь уже, как он заявил, принадлежащего советским гражданам, а не польским. Из-за бескомпромиссности Ромера он сообщил о вероятной возможности отмены принудительной паспортизации для «тех лиц на территории Западной Польши» (т.е. на территории границы с Третьим рейхом, существовавшей до 22 июня 1941 г.), которые выразят «личную инициативу» оставить себе польское гражданство. На возражение посла о том, что трудно прини-

мать решение о гражданстве без решения вопроса о границах, комиссар заявил, что это недоразумение, потому что граница существует и была утверждена в ноябре 1939 г. Президиумом Верховного Совета СССР.

Ромер также коснулся волнующего вопроса о последствиях расстрела советскими властями активистов союза Бунд и членов городского совета Варшавы, беспорных польских граждан – Виктора Альтера и Хенрика Эрлиха. Освобождённые в рамках амнистии и даже уполномоченные Народным комиссариатом иностранных дел организовать еврейский антифашистский комитет, они были повторно арестованы по абсурдному подозрению в шпионаже в пользу Германии в декабре 1941 г. в ходе визита премьер-министра Сикорского в Москву⁴⁸. На любое вмешательство в дело их освобождения, как со стороны Посольства и правительства Польской Республики, так и международных еврейских организаций (Всемирный еврейский конгресс, Союз Израиля, Джойнт, Американский еврейский объединённый распределительный комитет, Общество по распространению ремесленного и земледельческого труда среди евреев) неизменно давали ответ, что, учитывая ноту от 1 декабря 1941 г., они являются советскими гражданами, следовательно, дело носит внутренний характер.

После очередной волны интервенции в начале марта 1943 г. посольство СССР в Вашингтоне опубликовало заявление, в котором говорилось, что Альтер и Эрлих «были расстреляны по обвинению в причастности к подрывной деятельности против СССР, в помощи польской разведке и в обращении к советским войскам с целью прекращения кровопролития и заключения незамедлительного перемирия с Германией»⁴⁹.

Вышеупомянутое заявление было встречено мгновенным, официальным протестом МИД Республики Польша. В подписанной министром Рачиньским ноте, переданной через Богомолова руководителю Народного комиссариата иностранных дел СССР Молотову, выдвинутые мотивы были решительным образом отклонены, также был признан незаконным сам факт суда, а затем расстрела польских граждан⁵⁰. В доступной документации не осталось и следа какой-либо реакции Наркоминдела на этот протест. В потоке различных конфликтных вопросов, очевидно, и само Министерство иностранных дел Польши не ожидало получить существенный ответ. Однако, вероятно, Наркоминдел долго ещё имел дело с протестами по поводу расстрела Альтера и Эрлиха, потому что, по крайней мере, до мая 1943 г. отдел прессы тщательно собирал любые материалы, появлявшиеся на эту тему в мировой прессе⁵¹.

Против осуществления принудительной паспортизации протестовало не только посольство Польской Республики в Куйбышеве, но и польские власти в Лондоне. В подписанных министром Рачиньским

нотах, переданных 23 и 30 марта послу Богомолу, содержалась информация о том, что правительство Польской Республики оставляет за собой право не признавать формально-правовые результаты творящегося беззакония, а также право на «возврат любого отнятого [советскими властями] имущества и компенсацию потерь»⁵².

Ссылаясь на ход вышеупомянутых туров переговоров с Молотовым, 31 марта посол Ромер обратился в Наркоминдел с письмом, в котором шла речь о формальном урегулировании правового статуса тех граждан не аннексированной СССР части Польши, которые, спасаясь от немцев, оказались на территории СССР⁵³. В целях устранения в будущем конфликтов на этой почве он внёс предложение о том, чтобы посольство Польской Республики могло выдавать указанной группе людей – «бесспорным польским гражданам» – паспорта, одобренные местными советскими властями. В то же время Ромер представил проект процедуры и правил обмена персональными данными польских граждан этой категории⁵⁴. На этот раз усилия посла увенчались частичным успехом. Отвечая на предложения Ромера, Молотов сообщил, что «в течение 2 месяцев местные органы регистрации будут ожидать предоставления польскими гражданами их национальных паспортов»⁵⁵. Послу также удалось, почти в последний момент (8 апреля), получить, наконец, согласие по неоднократно представленному на рассмотрение в Народный комиссариат иностранных дел вопросу выезда в Иран тех семей польских военных, которые осенью 1942 г. оказались в выездных списках, но не успели вовремя добраться до пункта эвакуации. На экземпляре перевода ноты Ромера от 24 марта, касающейся данного вопроса, Молотов решил, наконец, написать: «Необходимо одобрить выезд этих поляков из СССР. 26 марта 1943»⁵⁶.

Укреплению польской позиции в споре с СССР о гражданстве и послевоенном разграничении не способствовала атмосфера, которую формировала международная пресса, в частности, британская. Польского премьер-министра обвиняли в шовинизме, неуважении прав народов самим решать свою судьбу, империалистических притязаниях и т.д. На страницах журнала «Лайф» член Военного кабинета, бывший британский посол в Москве С. Криппс заявил, что «с точки зрения стратегической необходимости советское правительство должно потребовать возвращения границ тех территорий, которые оно защищало от Германии – границ, утвержденных в июне 1941 г.», и призывал власти Польской Республики занять в этом вопросе компромиссную позицию⁵⁷.

Об отсутствии шансов на какой-либо компромисс в вопросах гражданства и послевоенных границ польского государства свидетельствовала кампания, проводимая на советском радио и в прессе. Её масштаб, по мнению сторонних наблюдателей, являлся свидетельством того, что

отношение СССР к польскому правительству в Лондоне приобрело характер «открытой вражды»⁵⁸. Попытки ослабить возникшую напряжённость, предпринятые британским послом Кларком Керром в Куйбышеве, не принесли результата. Согласно сообщению посла Чехословакии Зденека Фирлингера в Лондон, руководство Наркоминдела не скрывало мнения о том, что антисоветизм в окружении премьер-министра Сикорского препятствует выходу из возникшего тупика⁵⁹.

Неблагоприятный климат вокруг польского вопроса создавал глава Министерства иностранных дел Великобритании Энтони Иден, что практически перечёркивало успех усилий, направленных на совместное вмешательство англосаксов в дела Польши в Москве. По его мнению, вину за острый кризис, в котором оказались польско-советские отношения, несло, прежде всего, правительство Польской Республики. Особенно важной и оказывающей влияние на формирование позиции англичан в так называемом польском вопросе была беседа, которую Иден провёл с президентом Рузвельтом и его доверенным советником Гарри Гопкинсом 14 марта во время визита в США. В ходе встречи он жаловался на упорство поляков, их невосприимчивость к аргументам. Оспариваемые Польшей и СССР территории он считал «незначительными», маловажными с экономической точки зрения. Он заявил, что, по его мнению, Сикорский – из-за своей бескомпромиссности в отношении русских и навязывания Центральной Европе своих федеративных идей – «приносит Польше больше зла, чем добра»⁶⁰.

Американские собеседники министра Идена не отрицали этих его отзывов. Даже более того, президент Рузвельт заявил, что не видит особых трудностей в том, чтобы навязать Польше линию Керзона; три державы в соответствующий момент определяют, как справедливо решить проблему польско-советской демаркации, и Польша должна с этим согласиться – добавил он⁶¹. Также было решено после изгнания немцев передать Польше всю Восточную Пруссию. Британская пресса широко распространила высказывание госсекретаря Корделла Хэлла, который, отвечая на пресс-конференции на вопрос, будут ли во время визита Идена согласованы послевоенные границы Польши, заявил: «Ничего подобного мне не известно, и если бы что-то из этого было правдой, я бы должен был знать об этом»⁶². С помощью подобных сообщений Министерство иностранных дел Великобритании убеждало МИД Польской Республики, что именно «твёрдая» позиция США в вопросе совместного противостояния территориальным притязаниям Сталина в отношении Польши затрудняет интервенцию⁶³.

Благодаря настойчивым попыткам вмешательства, предпринятым послом Чехановским в Вашингтоне, а также правительством Польской Республики в Лондоне, в начале апреля удалось, наконец, добиться

обещания от обоих западных лидеров о совместном обращении к Сталину по так называемому польскому вопросу. 10 апреля Министерство иностранных дел Великобритании в конфиденциальном порядке уведомило министра Рачиньского о том, что британский Кабинет министров принял решение о вмешательстве, детали которого уже подготовлены⁶⁴. И, тем не менее, личное письмо Рузвельта Сикорскому от 12 апреля⁶⁵, как и переговоры с представителями Великобритании, содержали не более чем общие формулировки о необходимости улучшения польско-советских отношений – во имя единства Объединенных Наций и общих целей войны – без удовлетворения конкретных требований со стороны Польши. Более того, американцы, так же, как и англичане, уже не скрывали мнения о том, что коррекция восточных границ послевоенной Польши является необходимой.

Таким образом, обещание неопределённого вмешательства, которое должно было произойти «в благоприятный момент» – вероятно, в контексте ожидаемых успехов союзников в Африке, – это всё, чего удалось достичь польским дипломатам после нескольких месяцев интенсивных усилий.

Однако прежде чем наступил этот «благоприятный момент», произошли события, которые в корне изменили всю ситуацию. 13 апреля Берлинское радио передало немецкому агентству «Трансоушн» сообщение следующего содержания: «Из Смоленска поступила информация о том, что местное население указало немецким властям место тайных массовых казней, совершённых большевиками, и где ГПУ убило 10 тысяч польских офицеров. Немецкие власти направились на место, где было сделано ужасное открытие [...] Они были полностью одеты в военную форму, частично связаны, и у всех у них на затылках были раны от выстрелов из револьвера. Идентификация трупов не будет представлять сложности, так как они находятся в состоянии мумификации, и большевики оставили при них личные документы»⁶⁶.

Экзгумация, проведенная немцами в Катынском лесу, подтвердила более ранние сведения, переданные через военнопленного красноармейца Меркулова ещё в августе 1941 г. после взятия Смоленска и его окрестностей войсками группы армий «Центр» генерала фон Бока⁶⁷. Попытка проверки этих сведений была предпринята только в 1942 г. Раньше это не являлось полезной информацией – в условиях блицкрига и еще не образовавшейся тогда антигитлеровской коалиции Объединенных Наций.

Капитуляция вермахта под Сталинградом и контрнаступление Красной армии положили начало перелому в войне в пользу антифашистской коалиции. На оккупированных территориях усилилось движение сопротивления. Только тогда, в условиях изменившейся ситуа-

ции, немецкая тайная полевая полиция инициировала активное расследование по делу расстрелянных и захороненных в Катынском лесу польских военных. Проведенные в феврале 1943 г. частичные раскопки позволили обнаружить несколько массовых захоронений с останками польских офицеров. Были опрошены жители близлежащей местности, которые подтвердили, что весной 1940 г. в Катынском лесу были убиты НКВД польские военные⁶⁸. Главнокомандование сухопутных сил вермахта отдало приказ провести эксгумацию коллективных захоронений в Катынском лесу – установить количество погребённых в них людей и выяснить обстоятельства их смерти.

По личному приказу Гитлера раскрытое преступление, совершённое советскими властями, решено было придать как можно более широкой международной огласке, вести вокруг него массовую пропагандистскую кампанию. Начало ей положило упомянутое сообщение Берлинского радио.

15 апреля во время завтрака премьер-министра Черчилля с генералом Сикорским и министром Рачиньским в ряду других вопросов обсуждалось сообщение Берлинского радио. Черчилль даже не пытался оспаривать очевидных, вытекающих из данного заявления выводов. Он лишь с циничным прагматизмом обратил внимание собеседников на то, что «в их [большевиков] жестокости заключается их сила, и это служит делу союзников, уничтожая силы немцев»⁶⁹. Это заявление явно указывало на то, что Великобритания заинтересована в первую очередь в продолжении военного сотрудничества с СССР и любые другие вопросы она рассматривает как второстепенные по отношению к нему. Очевидно, формируя доклад по итогам этой встречи несколько недель спустя, премьер-министр проинформировал польских дипломатов на Ближнем Востоке о следующем: «Черчилль сказал мне, что отлично знает, что это [катынское убийство – В.М.] совершили большевики»⁷⁰.

В тот же день в эфире Московского радио вышло сообщение, опровергающее обвинение в убийстве польских офицеров и приписывающее его «немецким фашистам, заработавшим репутацию убийц»⁷¹. Сообщение не повлияло на массовую кампанию, проводимую польской прессой, где множество заголовков откровенно ругало премьер-министра Сикорского за его восточную политику – указывая на Катынь как её плод.

Несмотря на оказываемое давление, на совещании в Министерстве иностранных дел Польской Республики было принято решение о том, что в сложившейся, трудной с дипломатической точки зрения, ситуации польская сторона должна сохранять дальновидность и сдержанность. Максимально, что допускалось – предложить Международному Красному Кресту в Женеве, чтобы «он самопризвольно проявил свой

интерес к преступлению, совершённом в Катыни»⁷². Однако Министерство было не в состоянии контролировать дальнейшее развитие событий в условиях огромного морального давления, создаваемого расследованием трагедии, призрак которой уже давно витал в смутной информации советских властей о якобы неизвестной судьбе тысяч пропавших польских офицеров.

16 апреля Министр обороны польского правительства генерал Мариан Кукель опубликовал заявление относительно выявленного преступления, в частности, требуя проведения расследования на месте. Заявление было составлено таким образом, что указывало на признание немецкого сообщения в качестве достоверного⁷³. Это мероприятие было навязано МИД Польской Республики, хотя формально министр Рачиньский не только был о нем проинформирован, но также внёс свой вклад в окончательную редакцию заявления: «как министр, как глава Министерства иностранных дел, я получил это письмо уже в готовом виде [...] В любом случае, когда это письмо попало ко мне в руки, я внёс некоторые изменения, целью которых было не столько смягчение содержания, сколько формы, потому что я понимал, что СССР использует это как предлог для каких-либо выступлений против нас»⁷⁴.

Параллельно от имени правительства Польской Республики в Международный Комитет Красного Креста была отправлена телеграмма с просьбой о проведении расследования по делу катынского расстрела. Обстоятельства данного решения до конца не выяснены. Нет сомнений в том, что идея и редакция текста исходили от министра информации профессора Станислава Кота, который хотел как можно быстрее пресечь дальнейшие выпады в адрес премьер-министра в связи с недостаточной защитой интересов Польши. Сам премьер-министр был в отъезде вне Лондона.

Главная ответственность за отправку телеграммы в Женеву возлагалась, таким образом, на трёх министров – информации, обороны и иностранных дел. Так, Рачиньский, который должен был дать на это свое согласие, совершил большую дипломатическую ошибку, не убедившись предварительно неофициально, будет ли принят Международным Комитетом Красного Креста запрос на расследование катынского дела. Осуществление же этого шага без консультации Министерства иностранных дел Великобритании и Госдепартамента США было очередной большой дипломатической бестактностью, на которую польским властям вскоре указал посол Биддл⁷⁵.

По возвращении в Лондон на заседании Совета министров Польской Республики премьер-министр Сикорский взял на себя всю ответственность за телеграмму, заявив, что направлена она была на основании его решения. Совет принял постановление о том, чтобы

делегат Польского Красного Креста в Швейцарии официально обратился в Международный Красный Крест «с просьбой отправить группу, которая бы на месте изучила существующее положение вещей» с целью «разъяснения дела и установления ответственности». В то же время Германии было отказано в праве использовать преступление в Катыни, чтобы отвлечь внимание от собственных преступлений в отношении польского народа⁷⁶.

17 апреля заместитель делегата Польского Красного Креста в Швейцарии Станислав Радзивилл передал в руки представителю руководства МККК Паулю Рюггеру ноту правительства Польской Республики с просьбой изучить катынское дело путём отправки на место эксгумации убитых польских офицеров соответствующей делегации, состоящей из представителей государств, придерживающихся нейтральной позиции. Учитывая, что в МККК по этому вопросу также поступила аналогичная просьба от немецких властей, Рюггер обещал в течение трёх дней организовать комиссию, состоящую из представителей Швейцарии, Португалии и Швеции. Ввиду давления, оказываемого советской стороной, начало деятельности этой комиссии зависело, однако, от согласия «всех заинтересованных сторон» – а, следовательно, и СССР⁷⁷.

На основании решения, принятого в тот же день на заседании Совета министров Польской Республики, 20 апреля министр Рачинский подал послу Богомолу ноту, в которой требовал предоставления «подробной и точной информации о судьбе военнопленных», о которых – как следует из сообщения Информбюро, опубликованного 16 апреля – «правительство СССР, кажется, обладает гораздо большим количеством информации, чем было в своё время передано представителям польского правительства». Также Рачинский сообщил, что считает необходимым, «к сожалению, обратить внимание господина посла на то, что польское правительство, несмотря на многократные требования, никогда не получало ни списка пленных, ни точных объяснений, где находятся пропавшие офицеры и другие пленные»⁷⁸. Следовательно, редакция ноты была почти равнозначна признанию истинности сообщения немецкого радио.

Очевидно, советские власти сначала начали подготовку к вступлению в полемику по поводу предложенной польской стороной интерпретации преступления. По поручению зам. наркома иностранных дел Корнейчука в действующем архиве Наркоминдела была составлена и передана 17 апреля по линии WCz в Москву заметка обо всех разговорах зам. наркома Вышинского с послом Котом, в которых поднимался вопрос о пропавших без вести в СССР польских офицерах⁷⁹. Исходя из ветхой странички, случайно попавшей в хранящиеся в Архиве

внешней политики Российской Федерации документы, можно предполагать, что зам. наркома Лозовский получал консультации относительно тактики, которая должна быть применена в катынском вопросе в отношении правительства Польской Республики, и разделял представленные ему предложения⁸⁰. Но, может быть, выписка из разговоров только послужила констатацией того факта, что не следует вступать ни в какую существенную полемику по вопросам ответственности за выявленное преступление.

Для того, чтобы начать работу в Катыни комиссии Международного Красного Креста требовалось единодушное согласие всех заинтересованных государств. Между тем, Москва категорически отказалась дать такое разрешение. 21 апреля на страницах «Правды» появилась статья «Польские сотрудники Гитлера», приписывающая контакты с Гитлером правительству Польской Республики и обвиняющая в том, что в польских высших кругах власти находятся «прогитлеровские элементы»⁸¹. Фактически это было равнозначно решению разорвать дипломатические отношения, что и произошло четыре дня спустя.

21 апреля в письме к премьер-министру Черчиллю Сталин, комментируя ситуацию, которая сложилась после сообщения Берлинского радио, в частности, заявил: «Правительство СССР признаёт действия польского правительства по отношению к СССР в последнее время абсолютно ненормальными, нарушающими все правила и нормы взаимоотношений между двумя союзными государствами [...] Правительство Польши, встав на путь сговора с гитлеровским правительством, в самом деле, разорвало отношения с СССР и заняло враждебную позицию по отношению к Советскому Союзу»⁸².

24 апреля, отвечая на письмо Сталина, премьер-министр Великобритании согласился с его мнением относительно того, что назначение комиссии не имеет смысла; результат ее работы, проводимой под давлением, был бы ложным⁸³. В письме он также сообщил о встрече министра Идена с премьер-министром Сикорским, которая должна состояться немедленно и в ходе которой глава МИД постарается объяснить собеседнику, что он не должен оказывать какой-либо моральной поддержки идеям формирования комиссии по расследованию. Он заверил, что британские власти не допустят каких-либо контактов с Германией в отношении катынского дела. Он убеждал всех в «невиновности» Сикорского, который ни в коем случае не состоит в сговоре с Германией и только защищает себя от угрозы быть отстранённым от власти на основании «недостаточной защиты своего народа от Советского Союза». Его отставка будет же означать, что к власти придёт кто-то гораздо хуже. Глава военного кабинета обратился к Сталину с вопросом о том, можно ли трактовать его решение о «разрыве» отношений как «последнее предупреждение», а не как их фактический

разрыв, лишь бы об этом решении не объявили публично. Он предупредил также, что факт разрыва отношений создал бы неблагоприятный резонанс в Соединённых Штатах, где есть многочисленная и влиятельная польская эмиграция.

Фактически в тот же день министр Иден пригласил премьер-министра Сикорского в свою загородную резиденцию и сообщил ему о намерении СССР разорвать дипломатические отношения с правительством Польской Республики. Он потребовал от Сикорского публично признать провокацией информацию, поступившую от Германии, отменить просьбу о назначении следственной комиссии, поданную Польшей в Международный Красный Крест, и порекомендовал ему успокоить польскую прессу, осложняющую дело. Драматичный ход беседы и продемонстрированная в ее ходе бескомпромиссность Сикорского побудили Идена немедленно связаться по телефону с премьер-министром и убедить его ещё раз «предпринять попытку вмешательства в Москве в целях предотвращения разрыва отношений»⁸⁴. Несколько часов спустя в этот же день Черчилль снова обратился к Сталину с призывом изменить своё намерение. Он утверждал, что беседа Идена с Сикорским развеяла все сомнения, и премьер-министр Польской Республики «обещал не настаивать на просьбе к Красному Кресту о проведении следствия, и он именно так и проинформирует органы [Международного] Красного Креста в Берне». Он в очередной раз подчеркнул: разрыв польско-советских отношений принесёт пользу «только нашим врагам»⁸⁵.

Все предпринятые Великобританией меры оказались неэффективными. Министерство иностранных дел добилося от Богомолова только заверения в том, что власти СССР не намереваются «создавать в Москве польское коммунистическое правительство»⁸⁶.

Вечером 25 апреля посол Польской Республики в Москве Тадеуш Ромер был вызван в Наркоминдел. Вячеслав Молотов зачитал ему ноту, информирующую о решении Совета народных комиссаров СССР о «разрыве отношений с Польским правительством»⁸⁷. Нота повторяла ранние обвинения «в нарушении всех правил и норм взаимоотношений между двумя союзными государствами», в поддержке и раздувании немецкой провокации в виде массовой, враждебной, лживой кампании, в связях и сговоре с Гитлером. «Советскому правительству известно, как следовало из ноты, что эта кампания против Советского Союза была предпринята правительством Польши для того, чтобы путём использования нацистской лжи оказать давление на советское правительство с целью освободиться от его территориальных уступок». Все эти обстоятельства заставляют Совет народных комиссаров констатировать факт того, что правительство Польши «прекратило на деле» союзнические отношения и заняло враждебную позицию по отношению к СССР.

Выслушав содержание ноты, посол Ромер «сообщил, что с сожалением принимает заявление Молотова и проинформирует об этом правительство Польши». Он также опротестовал приведенное в ноте выражение о мотивах действий польских властей, назвав их «не соответствующими фактам». Он заявил, что не может принять этот документ, с которым в Министерство иностранных дел Польской Республики должен обратиться посол Богомолов. Он попросил разрешения уехать в Куйбышев вместе с сопровождавшими его в Москве сотрудниками посольства Польши, чтобы оттуда покинуть территорию СССР. «Молотов и Ромер прощаются, не пожимая рук» – закончил протокол беседы стенографировавший её сотрудник Наркоминдела⁸⁸.

Загадочная формула «прерывания» отношений или, как это трактовала пресса Польши в то время, их «приостановка», не имела прецедента в международном праве. Она была равнозначна разрыву, так как не могло быть промежуточных состояний между существованием и отсутствием формальных дипломатических отношений. Использование такой формулы должно было, вероятно, создавать впечатление, что разрываются контакты только с правительством, а не с народом. Таким образом, можно использовать её в тактике сталкивания польского вопроса на рельсы «левой альтернативы», а также смягчения позора, который вызвали действия Москвы в антифашистской коалиции. Именно так – как «фантастические попытки толкования», не имеющие ничего общего с международным правом – они и были оценены⁸⁹.

Таким образом, Сталин воспользовался возможностью, которую, вероятно, искал с конца 1942 – начала 1943 г. Поведение польских властей по вопросу о найденных в Катыни массовых захоронениях он счёл подходящим предлогом, чтобы избавиться от уже ненужных ему дипломатических отношений с эмиграционным польским правительством. На самом деле, Сталин оценил, как могут прореагировать на это западные союзники, и этим шагом опроверг многократно высказываемое мнение о необходимости для коалиции сохранения польско-советских дипломатических отношений. Британцы вели себя в соответствии с его ожиданиями и даже пытались предотвратить упоминание проблемы катынского преступления в прессе. 28 апреля Черчилль писал в связи с этим вопросом Идену: «Бесполезно мерзко шататься по могилам трёхлетней давности (подчеркнуто В.М.) под Смоленском»⁹⁰. Наверное, ему даже мысль в голову не пришла, что это могут быть могилы... двухлетней давности!

Возможно, что своеобразной «компенсацией» за отношение западных союзников к разрыву дипломатических отношений с польским эмиграционным правительством в Лондоне было принятое в мае и исполненное в июне 1943 г. решение о роспуске Коминтерна⁹¹.

Последствия сделанного СССР шага носили не только политический характер. Масса польских граждан, находившихся на территории СССР в ужасных условиях, лишалась в этот момент шанса на любую дальнейшую помощь и опеку со стороны законных польских властей. Эти функции опеки должен был вскоре взять на себя на самом деле назначенный еще до принятия решения о разрыве дипломатических отношений с Польшей Союз польских патриотов, представляющий сталинскую «левую альтернативу» в решении польского вопроса⁹². Перед польскими коммунистами открывался путь к власти в послевоенной стране – власти наместников, власти по указке Кремля.

Примечания

¹ Первая фаза эвакуации проводилась в конце марта – начале апреля 1942 г. В результате территорию СССР покинули примерно 30 тысяч военных и 12 тысяч сопровождавших их гражданских лиц. Полная эвакуация польской армии завершилась 1 сентября 1942 г. В общей сложности она охватила 41 тысячу военных и 29 тысяч гражданских лиц. См.: Доклад Коптелова Сталину от 7 сентября 1942 г. // Из советских архивов. Т. 2: Армия Польши в СССР. 1941–1942. / Сост. В. Матерски. – Варшава, 1992. Док. 13. – С. 106–107. См. подробнее: История польской дипломатии. Т. V. / Под ред. В. Миховича. – Варшава, 1999. – С. 305–318. (Z archiwów sowieckich. T. 2: Armia Polska w ZSSR 1941–1942. / Oprac. W. Materski. – Warszawa, 1992; Szerzej: Historia dyplomacji polskiej. T. V. / Pod red. W. Michowicza. – Warszawa, 1999).

² Бочковский Д. Час надежды. Граждане Польской Республики в СССР и опека над ними в польских представительствах в 1940–1943 годах. – Варшава, 1999. – С. 210. (*Boćkowski D. Czas nadziei. Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940-1943.* – Warszawa, 1999).

³ См.: Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее – АВП РФ). Ф. 122. Оп. 25. П. 188. Д. 1. Л. 59–72.

⁴ Более подробно по этой теме: Чапский Ю. На бесчеловечной земле. – Варшава, 1991. (*Czapski J. Na nieludzkiej ziemi.* – Warszawa, 1991).

⁵ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 25. П. 188. Д. 2. Л. 88–91.

⁶ Внешние сношения США. Дипломатические документы (периодическое издание по вопросам международного права). (Далее – FRUS). 1942. В 7 т. Т. III: Европа. – Вашингтон, 1961. – С. 163, 177–178. (Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942. In 7 vol. Vol. III: Europe. – Washington, 1961).

⁷ «Ромер был вообще образцовым дипломатом, хорошим редактором, превосходным собеседником [...] согласно всем правилам дипломатической игры» – Рачинский Э., Женчиковский Т. От Женевы до Ялты. – Лондон, 1988. – С. 72. (*Raczyński E., Żenczykowski T. Od Genewy do Jałty.* – Londyn, 1988).

⁸ Грабский С. Памятники. Т. II. – Варшава, 1989. – С. 425. (*Grabski St. Pamiętniki. T. II.* – Warszawa, 1989).

⁹ Ромер Т. Моя миссия в качестве посла Польской Республики в Советском Союзе // Исторические тетради. – Париж, 1974. Тетрадь 30. – С. 140–141. (*Romer T. Moja misja jako ambasadora RP w Związku Sowieckim.* // *Zeszyty Historyczne.* – Paryż, 1974).

¹⁰ См.: АВП РФ. Ф. 122. Оп. 25. П. 188. Д. 2. Л. 147–151, 156–163.

¹¹ «Послом Польши в СССР был назначен лучший польский дипломат [...] Ромер получил огромные полномочия. Сам он является ярким сторонником улучшения польско-советских отношений [...], все инструкции, которые мы ему передаём, в настоящее время говорят о необходимости улучшения отношений с СССР» – из доклада Василя Валькова о «личной» беседе с директором Восточного департамента МИД Польской Республики Тадеушем Янковским. АВП РФ. Ф. 122. Оп. 25. П. 227. Д. 2. Л. 3.

¹² *Ромер Т.* Письмо полякам. – Куйбышев, 1942. (23 ноября). (*Romer T.* List do Polaków. Kujbyszew 1942. 23 listopada).

¹³ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 25а. П. 227. Д. 2. Л. 25.

¹⁴ Там же. Ф. 122. Оп. 25. П. 188. Д. 2. Л. 151.

¹⁵ Там же. Оп. 25. П. 308. Д. 1. Л. 81–93. См. также: Из советских архивов. Внутренний отчет о Посольстве РП в СССР (июль 1941 – декабрь 1942) / Сост. В. Матерски // Польское дипломатическое обозрение. 2002. № 2. – С. 173–213. (*Z archiwów sowieckich. Wewnętrzny raport o Ambasadzie RP w ZSRR (lipiec 1941 – grudzień 1942).* / Oprac. W. Materski. «Polski Przegląd Dyplomatyczny». 2002, nr. 2).

¹⁶ *Берлинг З.* Андерсу из лагерей: Воспоминания. – Варшава, 1990. – С. 306–307. (*Berling Z.* Łągów do Andersa: Wspomnienia. – Warszawa, 1990).

¹⁷ Новое издание отошло от прежнего литературного профиля в пользу социально-политической тематики, выражающей «космогонию Народной Польши [...], не вдаваясь в подробности формального основания для лишения права голоса в таких деликатных темах». См.: *Путрамент Е.* Полвека. Т. II: Война. – Варшава, 1964. – С. 142. (*Putrament J.* Pół wieku. Т. II: Wojna. – Warszawa, 1964).

¹⁸ Документы и материалы по истории польско-советских отношений (далее: ДМИСПО). Т. VII. – Варшава, 1973. – С. 385. (*Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich*).

¹⁹ Реляция Кирилла Васильевича Новикова от 29 января 1978 г. (коллекция автора).

²⁰ Обращение Димитрова к Вальтеру (Тито) от 20 ноября 1942. / Коминтерн и Вторая мировая война / Отв. ред. К.М. Андерсона и А.О. Чубарьяна. Ч. II: После 22 июня 1941 г. – М., 1998. Док. 98. – С. 267–268.

²¹ Архив новых досье в Варшаве (далее: АНД). Ф. СПП. С. 1. Л. 2. (*Archiwum Akt Nowych w Warszawie*).

²² О политической линии и ближайших задачах Коммунистической партии Чехословакии / Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. Док. 110. – С. 286–298.

²³ Польско-советские отношения в 1943 году, в свете французских дипломатических документов. / Сост. З. Закс // Новая и новейшая история. 1987. № 2. Док. 1. – С. 127. (*Stosunki polsko-radzieckie w 1943 r. w świetle francuskich dokumentów dyplomatycznych.* / Oprac. Z. Zaks. «Dzieje Najnowsze». 1987, nr. 2. Dok. 1).

²⁴ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 13 (060). Л. 77–6 (январь). Л. 143–79 (февраль). Л. 197–146 (1–25 марта) [расположение материала в обратном хронологическом порядке].

²⁵ ДМИСПО. Т. VII. Док. 167. – С. 286–287.

²⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 27. Д. 313. Л. 2–2.

²⁷ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 3. Л. 14; Документы о польско-советских отношениях. Т. I. Док. 286. – С. 474–476. (*Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I: 1939–1943.* – London, 1961. Dok. 286).

²⁸ ДМИСПО. Т. VII. Док. 234. – С. 391–392.

²⁹ FRUS. 1943. Т. III: Британское Содружество. Восточная Европа. Дальний Восток. – Вашингтон, 1963. – С. 345. (*Vol. III: The British Commonwealth. Eastern Europe. The Far East.* – Washington, 1963). В той же телеграмме Стэнди представлен тезис и приведены аргументы, говорящие о возможности разрыва польско-советских отношений.

³⁰ Так её одновременно интерпретировал посол Биддл. – FRUS. 1943. Т. III. – С. 325.

³¹ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 13. Л. 2–3.

³² «Ящик бесконечных неприятностей Пандоры» / *Гарриман У. А. и Абель Э.* Специальный посланник к Черчиллю и Сталину 1941–1946. – Нью-Йорк, 1975. – С. 244. (*Harriman W. A. and Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946. – New York, 1975).

³³ *Чехановский Я.* Поражение в победе. – Гарден-Сити, 1947. – С. 151. (*Ciechanowski J.* Defeat in Victory. – Garden City, 1947).

³⁴ Институт и музей генерала Сикорского в Лондоне. PRM 98/1. Л. 99–103; FRUS. 1943. Т. III. – С. 333–334; *Чехановский Я.* Поражение в победе... – С. 154–160.

³⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 27. Д. 312. Л. 15–17.

³⁶ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26. П. 224. Д. 2. Л. 2.

- ³⁷ Ромер Т. Моя миссия. – С. 150–155.
- ³⁸ FRUS. 1943. Т. III. – С. 344–347.
- ³⁹ АВП РФ. Ф.06. Оп. 5. П. 27. Д. 313. Л. 2–3.
- ⁴⁰ АНД. Компл. отд. VI, отчет Ванды Василевской от 15 января 1964 г. Л. 272.
- ⁴¹ Кательбах Т. Год дурных предзнаменований (1943). – Париж, 1958. С. 48. (*Katelbach T. Rok złych wróżb* (1943) – Paryż, 1958).
- ⁴² «Дзенник Польски» (Польская ежедневная газета). № 808, 25 февраля 1943; ДМИСПО. Т. VII. Док. 236. – С. 393.
- ⁴³ Кательбах Т. Год дурных предзнаменований ... – С. 47.
- ⁴⁴ Документы о польско-советских отношениях. Т. I. С. 501–502; ДМИСПО. Т. VII. Док. 238. – С. 394–395.
- ⁴⁵ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 13 (060), в разных местах; Д. 3. Л. 18–25.
- ⁴⁶ Рачинский Э., Женчиковский Т. От Женевы до Ялты ... – С. 68.
- ⁴⁷ Стенограммы тех переговоров см.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 27. Д. 312. Л. 18–26, 27–35.
- ⁴⁸ Фактической причиной ареста стало нежелание отказаться от польского гражданства – Керстен К. Поляки, евреи, коммунизм. Анатомия полуправды. 1939–1968. – Варшава, 1992. – С. 30. (*Kersten K. Polacy, Żydzi, komunizm. Anatomia półprawd 1939–68.* – Warszawa, 1992).
- ⁴⁹ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 3. Л. 29. Более подробно по этой теме: Кожец П. Загадка убийства Генрика Эрлиха и Виктора Альтера советскими властями / Об истории евреев в Польше. – Тель-Авив, 1987. – С. 297–310 (*Korzec P. The Reddle of the Murder of Henryk Erlich and Wiktor Alter by the Soviets* / [In:] *On the History of the Jews in Poland.* – Tel Aviv, 1987); Керстен К. Поляки, евреи, коммунизм ... – С. 70, прим. 37 (там указана остальная литература).
- ⁵⁰ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 3. Л. 30.
- ⁵¹ См.: там же. Д. 14 (вся папка).
- ⁵² Там же. Ф. 122. Оп. 26а. Т. 224. Д. 3. Л. 33–34 (нота от 29 марта) и 35–36 (нота от 30 марта).
- ⁵³ Там же. Д. 2. Л. 2–3.
- ⁵⁴ Там же. Л. 4–5.
- ⁵⁵ Там же. Д. 1. Л. 2.
- ⁵⁶ Там же. Д. 2. Л. 1.
- ⁵⁷ «Лайф» от 9 марта 1942, С. 86–87. Цит. по: Карский Я. Великие державы о Польше 1919–1945. От Версаля до Ялты. – Варшава, 1992. – С. 379. (*Karski J. Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945. Od Wersalu do Jalty.* – Warszawa, 1992).
- ⁵⁸ Польско-советские отношения в 1943 г. в свете французских дипломатических документов... Док. 3. – С. 128.
- ⁵⁹ «В Кремле в присутствии посла Керра заявили, что Сикорский не был бы таким злым, но его окружение этого не позволяет. См.: Чехословацко-польское сотрудничество по созданию конфедерации 1939–1944. Чехословацко-польские дипломатические документы. – Прага, 1994. Т. III. Док. 176. – С. 476. (*Československo-polská jednání o vytvoření konfederace 1939-1944. / Československé diplomatické dokumenty. / Ed. I. Št'oviček a J. Valenta.* – Praha, 1994).
- ⁶⁰ Шервуд Р.Э. Рузвельт и Гопкинс. История отношений. – Нью-Йорк, 1948. – С. 377–379. (*Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History.* – New York, 1948).
- ⁶¹ Иден А. Воспоминания 1938–1945. Т. II: Подведение итогов. – Варшава, 1972. – С. 296. (*Eden A. Pamiętniki 1938–1945. T. II: Obrachunki.* – Warszawa, 1972).
- ⁶² Сокольницкий М. Вестник Анкары 1939–1943. – Лондон, 1965. – С. 494. (*Sokolnicki M. Dziennik Ankarski 1939–1943.* – Londyn, 1965).
- ⁶³ См.: В союзническом Лондоне: Дневник посла Эдварда Рачиньского 1939–1945. – Варшава, 1989. – С. 168. (Por.: *W sojusznicyzm Londynie. Dziennik ambasadora Edwarda Raczyńskiego. 1939–1945.* – Warszawa, 1989).
- ⁶⁴ Там же. – С. 169.
- ⁶⁵ FRUS. 1943. Т. III. – С. 374
- ⁶⁶ Катынское преступление в свете документов. / Предисловие В. Андерса. Изд. 10-е. – Лондон, 1982. Док. 1. – С. 85. (*Zbrodnia katyńska w świetle dokumentów. Z przedmową Władysława Andersa, wyd.10.* – Londyn, 1982).

- ⁶⁷ См. *Пшевозник А., Адамска Я.* Катынь. Убийство. Правда. Память. – Варшава, 2010. – С. 199. (*Przewoźnik A., Adamska J.* Katyń. Zbrodnia. Prawda. Pamięć. – Warszawa, 2010).
- ⁶⁸ Официальные материалы по массовому убийству в Катыни. – Берлин, 1943; Катыньское преступление в свете документов. Разд. VI. (Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. – Berlin, 1943).
- ⁶⁹ *Рачинский Э.* В союзническом Лондоне... – С. 171; *Рачинский Э., Женчиковский Т.* От Женевы до Ялты ... – С. 71. См. также: *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. IV. Кн. 2. – Гданьск, 1996. – С. 370–371. (*Churchill W.S.* Druga wojna światowa. Т. IV. Ks. 2, tłum. z ang. – Gdańsk, 1996).
- ⁷⁰ *Сокольницкий М.* Вестник Анкары ... – С. 540.
- ⁷¹ На следующий день было опубликовано в правительственной газете «Известия» (№ 89).
- ⁷² *Рачинский Э.* В союзническом Лондоне... – С. 171.
- ⁷³ Катыньское преступление в свете документов... Док. 6. – С. 88–89.
- ⁷⁴ *Рачинский Э., Женчиковский Т.* От Женевы до Ялты ... – С. 70.
- ⁷⁵ FRUS. 1943, т. III. – С. 405.
- ⁷⁶ «Дзенник Польски». 19 апреля 1943.
- ⁷⁷ Катыньское преступление в свете документов... Док. 9 и 10. – С. 89–90.
- ⁷⁸ АВР РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 3. Л. 38–39.
- ⁷⁹ АВР РФ. Ф. 122. Оп. 26 а. П. 224. Д. 7. Л. 5–8.
- ⁸⁰ «Не возражаю. А.Л.» – Там же, отдельный лист между л. 6 и л. 7.
- ⁸¹ Катыньское преступление в свете документов... Док. 11. – С. 90–91.
- ⁸² Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I: Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.), Изд. 2-е. – М., 1976. Док. 150. – С. 145–146.
- ⁸³ «Подобное расследование было бы обманом, а его выводы были бы получены путем запугивания» – ДМИСПО. Т. VII. Док. 242. – С. 399.
- ⁸⁴ *Рачинский Э.* В союзническом Лондоне ... – С. 173.
- ⁸⁵ ДМИСПО. Т. VII. Док. 245. – С. 402–403; Переписка председателя Совета министров СССР. Т. I. Док. 152. – С. 147–148. Президент Рузвельт слишком поздно обратился к Сталину с намерением вмешаться, когда уже произошел формальный разрыв отношений – ДМИСПО. Т. VII. Док. 246. – С. 403–404; Переписка председателя Совета министров СССР... Т. II: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). Изд. 2-е. – М., 1976. Док. 81. – С. 60.
- ⁸⁶ Что и повторил Богомолов в разговоре с генералом де Голлем – Польско-советские отношения в 1943 году в свете французских дипломатических документов ... Док. 10. – С. 133.
- ⁸⁷ АВР РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 27. Д. 314. Л. 8–10 (оригинал ноты, не принятой Ромером).
- ⁸⁸ Там же. Д. 312. Л. 36–37. Д. 314. Л. 1–2 (стенограмма разговора).
- ⁸⁹ См. напр. Взгляд Роже Гарро – Польско-советские отношения в 1943 году в свете французских дипломатических документов ... Док. 12. – С. 134.
- ⁹⁰ «Бесполезно мерзко шататься по могилам трёхлетней давности под Смоленском» // Национальные архивы – Лондон, FO 371/34571; *Стэнфорд Дж.* Катынь и советская резня 1940 : Правда, справедливость, память. – Рутледж, 2005. – С. 297. (*Stanford G.* Katyn and the Soviet Massacre of 1940: Truth, Justice and Memory. – Routledge, 2005).
- ⁹¹ Коминтерн и Вторая Мировая война... Ч. 2. Док. 136–143. – С. 359–379.
- ⁹² Его организационный комитет создан в Москве в январе 1943 г. Организация официально образована 10 июня 1943 г. См.: ДМИСПО. Т. VII. Док. 271–272. – С. 436–442.

*Перевод с польского
Ксении Грушо, Лидии Грушо*